

Версальский договор как веха в истории дипломатии контроля над вооружениями

А. А. Малыгина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Малыгина А. А. Версальский договор как веха в истории дипломатии контроля над вооружениями // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 303–326. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.304>

Дипломатические формулы и подходы, выработанные в процессе Парижской мирной конференции, впоследствии были в той или иной мере учтены при разработке ряда международных соглашений в сфере ограничения, сокращения и запрещения вооружений, которые в наши дни определяют современную архитектуру международной безопасности. Статья вводит в научный оборот понятие «дипломатия контроля над вооружениями и разоружения» и предлагает анализ положений Версальского договора, касающихся разоружения и контроля над вооружениями, с точки зрения того, какую оценку этот опыт Версальской конференции получил в среде международников, а также других специалистов, занимающихся проблемами контроля над вооружениями и международной безопасности. Отсылки к опыту Версальского договора 1919 г. можно обнаружить в дискуссиях вокруг разработки Женевского протокола 1925 г. и применительно к многосторонним переговорам 1970–1990-х годов, которые привели к разработке Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия 1972 г., а также Конвенции по запрещению химического оружия 1993 г. В Версальском договоре была заложена основа концепции всеобщего разоружения. После Второй мировой войны эта концепция получила дальнейшее развитие и была интегрирована в международные соглашения по ограничению или запрещению различных видов вооружений. В ходе разработки и реализации военных положений Версальского договора был аккумулирован ценный опыт в вопросах контроля за соблюдением соглашений по контролю над вооружениями и принуждения к исполнению обязательств по договорам о разоружении или сокращении вооружений. Этот опыт был учтен при разработке Устава ООН, а также при конструировании международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Опыт Парижской мирной конференции способствовал совершенствованию понятийного аппарата и инструментария дипломатии разоружения и остается важным элементом институциональной памяти дипломатии разоружения и контроля над вооружениями. Этот опыт по-прежнему актуален для современной дипломатии разоружения и контроля над вооружениями.

Ключевые слова: разоружение, контроль над вооружениями, дипломатия, международная безопасность, Версальский договор, Парижская мирная конференция.

Версальский мирный договор содержал целый ряд положений, накладывавших существенные ограничения на вооруженные силы Германии. Некоторые принципы, выработанные при подготовке Версальского мирного договора, были

впоследствии применены с целью разоружения союзников Германии при разработке мирных соглашений с другими проигравшими державами. Победители наложили суровые ограничения на наступательные возможности побежденных, а четыре перспективных вида вооружений — подводные лодки, военная авиация, бронетанковые силы и химическое оружие — были полностью запрещены. Вместе с тем в научной литературе уделено мало внимания тому, как опыт Парижской мирной конференции повлиял на дальнейший ход дискуссий по вопросам ограничения вооружений. Прежде чем ответить на вопрос, какую роль в истории дипломатии контроля над вооружениями сыграла Парижская мирная конференция, следует уделить некоторое внимание терминологии.

Понятие «дипломатия контроля над вооружениями» пока не слишком широко распространено в политологической литературе и вообще не используется историками. В литературе, посвященной проблемам международной и региональной безопасности, существует два подхода. Одни авторы предпочитают использовать термин «разоружение». Другие полагают, что термин «контроль над вооружениями» является более универсальным.

Согласимся с Р.Джонсон, которая считает, что в современном политико-дипломатическом дискурсе термины «разоружение» и «контроль над вооружениями» имеют разную, порой даже конкурирующую, коннотацию и зачастую авторы, почеркнуто отдающие предпочтение одному или другому термину, тем самым противопоставляют эти понятия [1, р. 594]. Термин «дипломатия разоружения» ввела в научный оборот именно Р.Джонсон — в прошлом активистка британского феминистского движения и один из национальных лидеров борьбы за вывод американских крылатых ракет с британских военных баз в 1980-е годы, а ныне признанный международный эксперт по вопросам нераспространения ядерного оружия и ядерного разоружения. В 1995 г. Р.Джонсон основала в Великобритании неправительственную организацию «Институт дипломатии разоружения Акроним», которая с 1997 г. по 2009 г. издавала журнал «Дипломатия разоружения» (*Disarmament Diplomacy*). В 2013 г. Р.Джонсон опубликовала главу под названием «Дипломатия контроля над вооружениями и разоружения» [1] в коллективной монографии, посвященной комплексному анализу трансформации современного института дипломатии. В этой работе Джонсон утверждает, что «спектр формальных и неформальных дипломатических взаимодействий, которые в настоящее время нацелены на укрепление безопасности посредством ограничения или запрещения отдельных видов военных технологий, оружия или практик, выходит далеко за рамки рубрики контроля над вооружениями» [1, р. 594]. Джонсон полагает, что понятие «разоружение» в наши дни имеет более широкое значение и применимо для обозначения «процесса сокращения или уничтожения отдельных оружейных систем, а также цели или конечного состояния», подразумевающего запрещение конкретного вида вооружения, и что современная международная повестка дня требует всестороннего изучения именно проблем разоружения, а не узко контроля над вооружениями. Р.Джонсон не уточняет, как именно она понимает термин «контроль над вооружениями», однако из ее высказываний ясно, что в ее понимании эта категория охватывает меры по ограничению или предотвращению гонки вооружений и не включает вопросы нераспространения. Не удивительно, что известная своими радикальными высказываниями и поступками Р.Джонсон как последовательный борец за разоружение и активист

глобальной Инициативы за запрещение ядерного оружия несколько десятилетий продвигает именно термин «дипломатия разоружения». Однако то, что в заголовке своей главы Р. Джонсон включила и разоружение, и контроль над вооружениями, демонстрирует, что даже такой активист движения за разоружение вынужден был на страницах строгого академического издания признать, что термин «дипломатия разоружения» недостаточно точно характеризует круг проблем, которые стоят на повестке дня современных международных отношений в сфере запрещения отдельных видов оружия, ограничения вооружений, а также нераспространения оружия массового уничтожения и средств их доставки.

Существует и иная точка зрения, которой придерживаются Дж. Голдблат [2], Х. Мюллер и К. Вундерлих [3], Д. Кимбал [4], Ф. Таннер [5], О. Майер [6], М. Александер и Дж. Кигер [7]. Эти специалисты используют термин «контроль над вооружениями» как зонтичное понятие, которое покрывает все аспекты разоружения, включая запрещение использования отдельных технологий и методов для целей ведения войны, запрещение и последующее уничтожение вооружений, ограничение или сокращение конкретных видов вооружений, а также предотвращение географического распространения отдельных видов вооружений и технологий их производства.

Дж. Дханапала, опытный дипломат из Шри-Ланки, исполнявший обязанности председателя Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия и о его продлении в 1995 г., внес свою лепту в спор двух подходов к толкованию терминов «разоружение» и «контроль над вооружениями». Дханапала отмечает, что с точки зрения норм международного права «разоружение» подразумевает всеобъемлющее запрещение негуманных видов оружия или отдельных категорий оружия «во имя защиты идеалов гуманизма или коллективной безопасности». «Контроль над вооружениями», утверждает Дханапала, подразумевает установление и соблюдение ограничений на размер и мощность арсеналов, а также предотвращение появления новых игроков, обладающих подобным видом вооружения. То есть, по мнению Дханапала, разоружение и контроль над вооружениями — это два самостоятельных термина, причем «контроль над вооружениями» охватывает не только ограничение и сокращение вооружений, но также предотвращение гонки вооружений и вопросы нераспространения [8, p. 811].

Как следует из представленного обзора, в литературе, посвященной актуальным проблемам международной безопасности, до сих пор не сложилось единого категориального аппарата. Для целей этой статьи мы будем считать термин «контроль над вооружениями» более универсальным понятием, включающим в себя вопросы разоружения, ограничения вооружений и нераспространения. Вместе с тем, чтобы продемонстрировать, что разоружение — это важная и самостоятельная сфера политики контроля над вооружениями, мы также будем использовать термин «дипломатия разоружения».

Опыт разоружения Германии

В то время как истории подготовки мирного договора с Германией и анализу результатов Парижской мирной конференции посвящено немало трудов отечественных и зарубежных исследователей, изучению проблем контроля над воору-

жениями в отношениях между Германией и союзниками по Антанте уделено не так много внимания. Круг работ, в которых рассматриваются проблемы разоружения Германии и ограничения ее вооружений, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся чисто исторические работы, призванные в деталях восстановить ход событий и зафиксировать позиции сторон, участвовавших в переговорах. Эти работы, как правило, не проводят параллелей между опытом Версальского договора и актуальными событиями, современниками которых являются авторы исторических исследований. Ко второй группе относятся работы, в которых история Парижской мирной конференции изучается с точки зрения того, какие уроки могли бы извлечь военные стратеги, юристы-международники и дипломаты, занимающиеся проблемами международной безопасности. Такие работы не вводят в научный оборот новые источники, а в основном занимаются анализом исторической литературы и мемуаров. В ряде таких работ представлен всесторонний анализ историографии, который позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми историческими исследованиями, посвященными разработке и реализации разоруженческих положений Парижского мирного договора, являются труды С. де Мадариага [9], М. Залевски [10], Л. Джаффе [11], Дж. Ферриса [12], Ф. Таула [13; 14], К. Китчинг [15], Р. Шустера [16], Дж. Фокса [17], К. Тенфелда [18], Дж. Джейкобсона [19] и Э. Уэбстера [20].

В советской историографии отсутствуют работы, посвященные комплексному изучению разоруженческого механизма Версальского договора. Что же касается современной российской исторической науки, то количество публикаций, в которых уделено внимание Версальскому мирному договору и которые проиндексированы в системе Российского индекса научного цитирования, на весну 2019 г. превысило отметку 4100. Однако количество статей, посвященных именно проблемам разоружения Германии или вопросам реализации разоруженческих положений Версальского договора, ограничено двумя десятками. Из этого перечня следует выделить работы Н. Евдокимовой [21], М. Созонова [22], А. Павлова и А. Малыгиной [23], И. Магадеева [24–27].

Разрабатывая условия разоружения проигравшей Германии, страны-победительницы, хотя и придерживались разных позиций о том, как достичь желаемого результата, все же были едины в понимании общих целей мирного договора с Германией. Во-первых, союзники по Антанте желали лишить Германию средств для возможного реванша и тем самым исключить угрозу новой войны. Во-вторых, державы-победительницы желали сократить свои военные расходы и обеспечить возможность для демобилизации собственных армий и национальной промышленности. Эти идеи были реализованы в Версальском договоре: преамбула пятой части мирного договора с Германией констатировала, что разоружение Германии есть отправная точка для последующего «общего ограничения вооружений всех наций» [28, с. 63].

Дискуссия о том, каким образом ограничить германскую военную мощь, развернулась на полях Парижской мирной конференции в феврале — марте 1919 г. и вызывала немало споров между державами-победительницами. Однако работа комиссии военных экспертов по разработке военных статей Версальского договора, касавшихся запрета отдельных видов вооружений, проходила с наименьшими разногласиями [23, с. 158–160]. Запрет Германии хранить, разрабатывать и произ-

водить химическое оружие не вызвал никаких возражений. К окончанию Первой мировой войны сложилось общее понимание, что отравляющие вещества обладают неизбирательным действием, способны причинять излишние страдания, и потому химическая война является, по сути, негуманным и нецивилизованным способом ведения боевых действий [29, р. 281, 285–286, 288–289]. Вместе с тем военные специалисты признавали, что химическое оружие, доставляемое авиацией, может быть исключительно эффективным против мирного населения городов при условии внезапности химической атаки [23, с. 157] и что полностью исключить возможность переключения мощностей гражданской химической промышленности на цели производства химического оружия с технологической точки зрения — задача невыполнимая [29, р. 288].

Хотя к концу войны технологические военные новинки еще не успели себя проявить в полной мере, военные эксперты и со стороны победителей, и со стороны проигравших высоко оценивали стратегический потенциал военно-воздушных сил и прогнозировали их развитие. Несмотря на то что в ходе Первой мировой войны военная авиация не имела самостоятельного стратегического значения, в послевоенных прогнозах специалистов военно-воздушные силы были поставлены в один ряд с сухопутной армией и военно-морским флотом, что было отражено в положениях Версальского договора. Германии было запрещено иметь военную авиацию, танки, подводные лодки и химическое оружие. Этот запрет основывался не столько на уроках, извлеченных из опыта Первой мировой войны, сколько на оценках перспективных возможностей новых видов военной техники. В то время, когда проходила Парижская мирная конференция, среди держав-победительниц не было единого мнения о возможном стратегическом значении новых видов вооружения [30, р. 303–307]. Военные статьи Версальского договора выработывались на основе восприятия этих видов вооружения как достаточно перспективных с точки зрения их прогнозируемого значения в качестве средств наступательного характера.

Наибольшие разногласия среди держав-победительниц вызвали вопросы о размере, организации и принципе комплектования послевоенной германской армии. Изначальный проект, предложенный французской делегацией, предполагал сохранение 200-тысячной армии, комплектовавшейся путем призыва. Британская делегация настаивала на контрактной армии. В результате было найдено компромиссное решение: призыв на военную службу был для Германии запрещен, но французы настояли на сокращении германской армии до 100 тыс. человек, а в связи с этим был еще дополнительно введен полный запрет на тяжелую артиллерию для полевой армии.

В сфере морских вооружений Великобритания и США предлагали ввести всеобъемлющий запрет на подводные лодки. Но предложение запретить всем без исключения странам мира иметь подводный флот было неприемлемо для Франции и Италии, которые видели в субмаринах потенциальное средство сдерживания британского превосходства в надводном флоте. В результате политического торга Версальский договор запретил иметь подводный флот только Германии, а на германский надводный флот также были наложены строгие ограничения по количеству, тоннажу и вооружению судов. Остальные же вопросы ограничения морских вооружений, которые не касались непосредственно Германии, были вынесе-

ны за скобки. Эти вопросы предполагалось решать отдельно в последующие годы и в других форматах в рамках Лиги Наций.

Серьезные ограничения были также наложены на германский военно-промышленный комплекс. Германия не только должна была уничтожить или передать под контроль держав-победительниц виды вооружений, подлежавшие запрету. Версальский договор обязал Германию уничтожить технологические мощности по производству запрещенных видов вооружений. Импорт и экспорт вооружений, военной техники и иной военной продукции также был для Германии поставлен под запрет. В результате германские вооруженные силы не просто были урезаны в размерах, но лишились возможности использовать и совершенствовать те виды вооружений, которые на момент окончания Первой мировой войны считались наиболее перспективными [23, с. 158].

Пристальное внимание, которое победители уделили не только размеру полевоенной германской армии, но ее техническим возможностям и оснащению, свидетельствовало о том, что военные стратеги и дипломаты окончательно признали тот факт, что для обеспечения мира и международной безопасности в XX в. первостепенное значение будет играть контроль за применением перспективных технологий для целей ведения войны. Опыт Первой мировой войны показал, что в будущей войне решающее значение будет иметь не столько численность армии, сколько ее техническая оснащенность.

Запрещение биологического и химического оружия

В литературе, посвященной проблемам запрещения биологического и химического оружия, распространено мнение, что формулировки и подходы, зафиксированные в тексте Парижского мирного договора, определили направление, по которому продолжило развиваться международное право разоружения и контроля над вооружениями. В ряде работ исследователи обращаются к опыту Парижской мирной конференции с точки зрения зарождения и дальнейшего развития нормы запрещения химического оружия. С. Пунжин [31], Х. Мюллер [32], Ж. П. Зандерс [33; 34], Э. Спирс [29; 35], Т. Ямин [36], Т. Кук [37] прослеживают историю формирования «химического табу» и на этом пути намечают такие вехи, как Версальский мирный договор (1919), Вашингтонский договор пяти держав от 6 февраля 1922 г., Женевский протокол (1925), Конвенция по запрещению биологического и токсинного оружия (КБТО, открыта для подписания в 1972 г., вступила в силу в 1975 г.), Конвенция по запрещению химического оружия (КЗХО, открыта для подписания в 1993 г., вступила в силу в 1997 г.).

В отношении Вашингтонского соглашения 1922 г. об использовании на войне подводных лодок и вредоносных газов необходимо прояснить два момента. Во-первых, этот договор был подписан «для защиты на море во время войны жизни граждан нейтральных и невоюющих стран и для предупреждения использования во время войны вредоносных газов и химических средств». Соглашение устанавливало, что в военное время все корабли воюющих держав, включая подводные лодки, прежде чем захватить любое торговое судно и подвергнуть его осмотру, должны направить торговому судну предупреждение о предстоящем обыске. Если торговое судно после получения предупреждения от военного корабля подчинится

последнему и направится в место, указанное командиром военного судна, то нападение военного корабля на торговое судно недопустимо [38, с. 143]. Во-вторых, Вашингтонский договор запрещал «использование на войне удушливых, ядовитых или иных газов и всех аналогичных жидкостей, материалов и устройств» [29, р. 289], но по ряду причин это соглашение так и не вступило в силу.

В исторической литературе уделено мало внимания тому факту, что Женевский протокол от 17 июня 1925 г., депозитарием которого выступила Франция, был на самом деле частью более обширного соглашения, известного как Женевская конвенция о торговле оружием, разработанного на организованной Лигой Наций Конференции по надзору за международной торговлей вооружением, боеприпасами и средствами войны. В ходе этой конференции США предложили запретить торговлю химическим оружием, однако другие участники переговоров высказали ряд возражений на основании того, что такой запрет будет дискриминировать державы, не обладающие мощностями для производства химического оружия [39, р. 45]. Польша выдвинула встречное предложение о том, что под запрет должны быть поставлены также бактериологические средства ведения войны [40, р. 334]. Результатом переговоров стал вступивший в силу в 1928 г. [2, р. 135] Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и иных газов и бактериологических методов войны, который, по сути, запретил воюющим державам использовать друг против друга химическое и биологическое оружие, но не запретил производство и хранение таких средств ведения войны. В межвоенный период Женевский протокол подписали сорок четыре государства, включая Францию (1926), СССР (1928), Италию (1928), Японию (1929), Германию (1929), Великобританию (1930) и США, которые в 1926 г. подписали, но так и не ратифицировали Женевский протокол в связи с сильным внутриполитическим лобби, настроенным категорически против ограничения химических вооружений [29]. В межвоенный период некоторые государства, включая Францию, Великобританию и СССР, а также ряд государств после окончания Второй мировой войны, включая Китай, Индию, Израиль, ратифицировали Женевский протокол с оговорками. Как правило, суть оговорки к Женевскому протоколу сводится к тому, что государство обязуется не применять отравляющие вещества на поле боя против тех держав, кто соблюдает Женевский протокол. Иными словами, оговорки представляли собой декларацию о неприменении химического оружия первыми и таким образом превращали боевые отравляющие вещества в средство возмездия.

Согласно Женевскому протоколу 1925 г., аутентичными считаются тексты на английском и французском языках, которые были размещены на хранение в Министерстве иностранных дел Франции [41]. Вместе с тем англоязычная и французская версии текста Женевского протокола содержали некоторые различия, которые оказались важными пятьдесят лет спустя после подписания этого документа.

Ряд ведущих американских ученых, таких как специалист-международник Дж. Банн [42; 43], микробиолог М. Мезелсон [44], правовед Р. Бакстер [45], в своих публикациях 1970 г. обращались к истории переговоров по разработке Версальского мирного договора и подписанного впоследствии Женевского протокола для того, чтобы определить изначальное толкование понятия «отравляющие газы». Дело в том, что в 1969 г. американский президент Р. Никсон инициировал пересмотр политики США по вопросам химического и биологического оружия. Запрос

президента Никсона актуализировал проблему ратификации Женевского протокола 1925 г., который США подписали в 1926 г., но так и не ратифицировали вплоть до 1975 г. Ратификация Женевского протокола могла иметь серьезные политические последствия, о которых специалисты предупреждали до [46–49] и продолжили рассуждать после того [35; 39; 50], как это международное соглашение стало юридически обязывающим для Вашингтона, который испытывал серьезное давление как со стороны собственного гражданского общества, так и на международной арене — особенно со стороны восточноевропейских стран и стран Движения неприсоединения [40, р. 335] — в связи с войной во Вьетнаме, где среди прочего американские военные применяли пестициды, дефолианты и слезоточивый газ [39, р. 257; 45, р. 854, 865]. Позиции различных ведомств в отношении того, как следует толковать положения Версальского договора и Женевского протокола, а также внутриполитические условия и международный контекст, в которых проходил процесс пересмотра американской политики в отношении химического и биологического оружия, подробно описаны в исследованиях Дж. Такера [39; 51], Э. Спирса [35] и С. Херш [52]. Поскольку Вашингтон планировал присоединиться к Женевскому протоколу почти через полвека после его создания, то Соединенным Штатам после ратификации следовало принять сложившуюся международную практику толкования термина «ядовитые газы». К 1970 г. этот термин упоминался не только в Версальском договоре и Женевском протоколе, но и в Вашингтонском договоре (1922), и в ряде проектов соглашений и иных рабочих документах Лиги Наций [29; 40]. То есть существовала определенная традиция, и международное сообщество значительно продвинулось в понимании сути таких понятий, как «химическая война», «химическое оружие», «отравляющие вещества». Тем не менее, как показала дискуссия в американских академических кругах, концепция химического оружия в том виде, в каком она была сформулирована на полях Лиги Наций, имела ряд пробелов. В первой четверти XX в. эти пробелы были несущественными, однако бурное научно-техническое развитие второй половины XX в. создало такие условия, в которых США не могли позволить себе оставить без ответа возникающие у специалистов вопросы о том, следует ли толковать термин «отравляющий» («токсичный») в ограничительном или расширительном значении.

Женевский протокол в его франкоязычной версии гласил: «Считая, что применение на войне удушливых, ядовитых или других схожих газов (“gaz asphyxiantes, toxiques ou similaires”), равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира, считая, что запрещение этого применения было сформулировано в договорах, участниками коих является большинство держав мира, в целях повсеместного признания вошедшим в международное право сего запрещения, равно обязательного для совести и практики народов, заявляют: что Высокие Договаривающиеся Стороны, поскольку они не состоят уже участниками договоров, запрещающих это применение, признают это запрещение, соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу условиями этой декларации» [45, р. 856]. В то время как англоязычная версия Женевского протокола говорила об «удушливых, ядовитых или других газах (“other gases”), равно как и всяких аналогичных жидкостях, веществах и процессах» [45, р. 856]. Приведем для сравнения

современный русскоязычный перевод Женевского протокола, представленный на официальном сайте Международного Комитета Красного Креста, где используется выражение «удушливых, ядовитых или других подобных газов» [41].

В американской специализированной литературе развернулись дебаты о том, включать или не включать в толкование отравляющих газов токсины, гербициды, и любые иные средства химической войны или же следует ограничить толкование исключительно средствами, представляющими смертельную опасность для человека. В итоге длительной дискуссии, основанной на анализе переговорной практики, исторических прецедентов и позиций других государств — участников Женевского протокола, американской стороной было выработано следующее толкование положений Женевского протокола: к отравляющим веществам относятся только вещества, полученные в результате химического синтеза и оказывающие летальное воздействие на человека. Исключение из толкования отравляющих веществ средств органического происхождения, а также средств борьбы с беспорядками и средств, вредоносных для растений или животных, являлось таким узким толкованием понятия «ядовитые газы», которое наиболее полно отвечало интересам США, желавшим оградить себя от критики за то, какими методами Вашингтон вел войну во Вьетнаме.

Дискуссия в связи с подготовкой США к ратификации Женевского протокола способствовала развитию международного права в части определения, что следует считать химическим оружием. Еще одним важным этапом, когда международным экспертным сообществом было уточнено понимание того, как следует толковать термин «химическое оружие», стали советско-американские консультации, проходившие с перерывами в период с 1974 по 1979 г. По оценкам специалистов, участвовавших в переговорах, это был полезный опыт, в значительной мере способствовавший конструированию определения химического оружия, которое впоследствии вошло в текст КЗХО. Результатом этих консультаций было в том числе и то, что американское толкование определения химического оружия было серьезно скорректировано. В тексте КЗХО, открытой для подписания в 1993 г. в Париже, было отражено не изначальное американское понимание термина, а толкование, выработанное в результате длительных двусторонних советско-американских консультаций. Результаты этих консультаций были зафиксированы в отчетах, представленных СССР и США на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве в 1979 и 1980 гг. Одно из основных достижений двусторонних советско-американских консультаций заключалось в том, что была выработана следующая формула: химическим оружием следует считать токсичные химикаты, а также боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет токсических свойств таких химикатов, высвобождаемых в результате применения [2, р. 147–148].

Позже эти соображения были учтены при подготовке текста статьи 2 КЗХО, в котором определены такие понятия, как «химическое оружие», «старое химическое оружие» и «оставленное химическое оружие». В тексте КЗХО определение химического оружия звучит следующим образом: «“Химическое оружие” означает в совокупности или в отдельности следующее: токсичные химикаты и их прекурсоры, за исключением тех случаев, когда они предназначены для целей, не запрещаемых по настоящей Конвенции, при том условии, что виды и количества соответ-

ствуют таким целям; боеприпасы и устройства, специально предназначенные для смертельного поражения или причинения иного вреда за счет токсических свойств указанных в подпункте а) токсичных химикатов, высвобождаемых в результате применения таких боеприпасов и устройств; любое оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением боеприпасов и устройств, указанных в подпункте б)» [53]. Таким образом, в определение химического оружия в КЗХО не включены средства борьбы с беспорядками, а также токсичные вещества, которые могут иметь вредоносное воздействие на растения. В 2000-е годы толкование понятия «химическое оружие» было уточнено, когда в перечень высокотоксичных веществ Категории 1 были включены рицин и сакситоксин, которые имеют органическое происхождение. Кроме того, согласно практике применения КЗХО, химическим оружием может быть признано любое вещество, если оно применено в качестве средства смертельного поражения людей или в качестве средства, способного нанести непоправимый вред здоровью людей или животных.

Точкой отсчета для старого и оставленного химического оружия, согласно статье 2 КЗХО, был выбран год подписания Женевского протокола: «Старое химическое оружие» означает: химическое оружие, произведенное до 1925 г.; или химическое оружие, произведенное в период между 1925 и 1946 гг., которое ухудшилось в такой степени, что оно уже не может использоваться в качестве химического оружия»; «Оставленное химическое оружие» означает: химическое оружие, включая старое химическое оружие, которое было оставлено государством после 1 января 1925 г. на территории другого государства без согласия последнего» [53].

Статья 16.3. КЗХО предусматривает, что в том случае, если государство — участник КЗХО выйдет из конвенции, запретительные условия Женевского протокола не потеряют своей юридически обязывающей силы для этого государства: «Выход государства-участника из настоящей Конвенции никоим образом не затрагивает обязанности государств продолжать выполнение обязательств, взятых в соответствии с любыми соответствующими нормами международного права и в частности в соответствии с Женевским протоколом 1925 г.» [53]. Опыт Женевского протокола, эффективность которого в определенной степени была ограничена оговорками, сделанными индустриально развитыми державами в момент его ратификации, был учтен в статье 22 КЗХО: «Статьи настоящей Конвенции не подлежат оговоркам. Приложения настоящей Конвенции не подлежат оговоркам, несовместимым с ее предметом и целью» [53]. Статья 13 КЗХО устанавливает связь между химической конвенцией, Женевским протоколом и КБТО: «Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как каким-либо образом ограничивающее или умаляющее обязательства, принятые на себя любым государством по Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанному в Женеве 17 июня 1925 г., и по Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, подписанной в Вашингтоне, Лондоне и Москве 10 апреля 1972 г.» [53].

Отсылки к Женевскому протоколу содержатся в преамбуле и статье 8 КБТО, а также в преамбуле КЗХО. В 1990-е годы, когда государства мира стали присоединяться к открытой для подписания химической конвенции, начался процесс от-

зыка оговорок к Женевскому протоколу. Однако проблема универсальности Женевского протокола до сих пор не решена. В течение последних десяти лет как на Конференциях государств — участников КЗХО [54], так и на совещаниях стран-участниц КБТО [55] звучат призывы к тем государствам, которые ратифицировали Женевский протокол с оговорками, отозвать эти оговорки.

Положения Женевского протокола сохраняют свою актуальность для режима Конвенции по запрещению биологического и токсинного оружия, что убедительно доказано в соответствующих главах коллективной монографии под редакцией Ф. Ленцос [56]. В этом комплексном труде история военных биологических программ США, Великобритании и Канады за полувековой период между Женевским протоколом и вступлением в силу КБТО представлена в исследовании Б. Балмера и Дж. Э. ван Кортланд Мун [57], история японской военной биологической программы времен Второй мировой войны проанализирована в главе Ж. Гиллемин [58], а в главе А. Хэй восстановлена история военной биологической программы ЮАР [59]. М. И. Шеврие и А. Спеллинг [40] продемонстрировали, как история Женевского протокола вписана в историю дипломатии разоружения ООН. Эти исследователи убеждены, что обеспокоенность применением американскими военными средств и методов химической войны во Вьетнаме в совокупности с подозрениями, что вооруженные силы Йеменской Арабской Республики положительно применяли химическое оружие в ходе гражданской войны в Йемене, побудили международное сообщество активизировать усилия в направлении разработки соглашения о всеобъемлющем запрещении химического и биологического оружия. Что касается исходных вариантов конвенции, то авторы приписывают лидирующую роль Великобритании и отмечают также активную и плодотворную работу таких неправительственных организаций, как Пагуошское движение ученых за мир и разоружение и Кампания за ядерное разоружение. Исследователи убеждены, что успех, достигнутый в 1968 г. в части разработки Договора о нераспространении ядерного оружия, побудил заинтересованные стороны удвоить усилия по разработке международного соглашения по запрещению биологического и химического оружия. М. И. Шеврие и А. Спеллинг утверждают, что международные переговоры о многостороннем химическом и биологическом разоружении в значительной степени активизировались в результате инициатив президента Никсона, который осуществил общенациональную ревизию военных программ в области химии и микробиологии, направил на рассмотрение американского Конгресса запрос ратифицировать Женевский протокол, принял решение о моратории на разработку и производство биологического и токсинного оружия, а также заявил о готовности в одностороннем порядке начать процесс биологического разоружения.

Действительно, в 1970-е годы на международной арене шла активная дискуссия о возможности заключения всеобъемлющего соглашения по запрещению биологического и химического оружия. Однако в ходе предварительных консультаций стало очевидно, что установить универсальный запрет, который охватывал бы как биологическое, так и химическое оружие, не удастся. Поэтому было принято решение продолжить консультации исключительно по вопросу запрещения биологической войны, а позже вновь вернуться к проблеме запрещения химического оружия. После заключения Конвенции по запрещению биологического и токсинного ору-

жия СССР, США и Великобритания как страны-депозитарии КБТО продолжили консультации друг с другом и с другими державами с целью выработать механизмы и подходы для всеобщего и полного химического разоружения. О намерении установить всеобъемлющий запрет на химическое оружие свидетельствует не только преамбула КБТО, но также статья 12, определяющая порядок созыва конференции по рассмотрению действия Конвенции, «чтобы иметь уверенность в том, что цели, изложенные в преамбуле, и положения Конвенции, включая положения, касающиеся переговоров о химическом оружии, осуществляются», и статья 9 КБТО, в которой говорится: «Каждое государство-участник настоящей Конвенции подтверждает признанную цель эффективного запрещения химического оружия и с этой целью обязуется в духе доброй воли продолжать переговоры для достижения в ближайшем будущем соглашения об эффективных мерах по запрещению его разработки, производства и накопления запасов и его уничтожению и о соответствующих мерах в отношении оборудования и средств доставки, специально предназначенных для производства либо использования химических агентов в качестве оружия» [60].

Лига Наций и межвоенная дипломатия контроля над вооружениями

Статут Лиги Наций, будучи частью Версальского договора, создал международный институт, который стал площадкой для разработки целой серии международных соглашений в области ограничения вооружений и разоружения.

Объективная оценка наследия Версальской конференции невозможна без упоминания работы Всемирной конференции по разоружению (1932–1934) и ее подготовительной комиссии (начала деятельность в 1925 г.), к которой советская делегация присоединилась в конце 1920-х годов. Это была единственная конференция межвоенного периода, на которой предполагалось, что делегации более чем 60 держав будут обсуждать универсальные меры сокращения и ограничения всех типов вооружений. К началу конференции было приурочено решение всех участвовавших в переговорах государств приостановить на год наращивание собственных вооружений. По истечении года этот мораторий был продлен еще на несколько месяцев в 1933 г. Специальные комиссии и комитеты Всемирной конференции по разоружению рассматривали следующие вопросы: создание системы коллективной безопасности; ограничение мощности вооруженных сил; ограничение сухопутных, морских и воздушных сил; ограничение национальных расходов на оборону; запрещение химического, бактериологического и зажигательного оружия; контроль за производством вооружений и торговлей оружием; надзор и гарантии выполнения обязательств странами-участницами соглашений; «моральное разоружение» с целью создания атмосферы, благоприятной для мирного разрешения международных проблем [2, p. 24].

Среди достижений Лиги Наций, значимых с точки зрения истории дипломатии разоружения и контроля над вооружениями, специалисты называют меры транспарентности и доверия, усилия по предотвращению нелегальной торговли военными товарами и вооружениями, меры по предотвращению региональной гонки морских вооружений, меры контроля за производством вооружений и во-

енной техники, а также идеи о всеобъемлющем запрещении биологического, химического и зажигательного оружия [2, р. 20–28, 135, 173].

Проблема эффективности и устойчивости мер разоружения и ограничения вооружений

Проблема устойчивости и жизнеспособности международных договоренностей по вопросам разоружения и ограничения вооружений, возникающая в связи с результатами Парижской мирной конференции, остается актуальной по сей день. История разработки и реализации военных положений Версальского договора интересует специалистов-международников с точки зрения жизнеспособности режима контроля над вооружениями, а также с точки зрения эффективности механизмов контроля за соблюдением достигнутых договоренностей и действенности мер принуждения к выполнению договоренностей.

В ряде англоязычных работ проводятся параллели между разоружением Германии после Первой мировой войны и разоружением Ирака после первой и второй войн в Персидском заливе. В публикациях Ф. Таула [13; 14], Э. Барроса [30], М. Александера и Дж. Кигера [7] говорится о том, что как в случае с Германией, так и в случае с Ираком страны-победительницы не чувствовали себя в полной мере в безопасности по окончании войны и навязали проигравшим агрессорам разоружение, притом что материального разоружения было недостаточно для обеспечения мира, а требовалось искоренить стремление проигравших прибегать к военной силе для решения своих внешнеполитических задач. Довольно спорным представляется схематичное сравнение трех таких разных исторических ситуаций, как поражение Германии в Первой мировой войне, санкционированная в 1991 г. Советом Безопасности ООН операция многонациональных сил «Буря в пустыне», по итогам которой под контролем специальной комиссии ООН началось разоружение Ирака, и несанкционированная Советом Безопасности ООН коалиционная операция против Ирака в 2003 г.

В 1990–2000-х годах понятие «моральное разоружение», заимствованное из риторики времен Версальской конференции, а также склонность проводить аналогию между военными положениями Версальского договора и условиями разоружения Ирака укоренились в англоязычной литературе, посвященной стратегическим исследованиям и проблемам международной безопасности. Обращаясь к опыту Парижского мирного договора, авторы таких публикаций недостаточно внимания уделяют тому факту, что в фундаменте Версальского договора была заложена связь двух аспектов: разоружение Германии как проигравшей державы и меры разоружения, направленные на ограничение военных потенциалов основных международных игроков того времени. Это архитектурное решение было призвано обеспечить устойчивость всей конструкции послевоенных международных отношений. И, как известно, намерения ограничить военные потенциалы ведущих держав-победительниц так и не были реализованы в должной мере.

В современных стратегических исследованиях проблема контроля за соблюдением соглашений в области разоружений и контроля над вооружениями, как правило, обозначается терминами «мониторинг» и «верификация соблюдения» и часто рассматривается в связке с проблемой принуждения к выполнению соглашения

в случае выявления нарушений. История функционирования трех межсоюзнических контрольных комиссий, сформированных в соответствии с Версальским договором для контроля уничтожения или сокращения морских, авиационных и сухопутных вооружений Германии, достаточно полно изучена в исторической и политологической литературе [5; 7; 17; 20; 25; 30]. Вице-президент Женевского международного института исследований проблем мира и старший научный сотрудник Института ООН по исследованию проблем разоружения Дж. Голдблат лишь вскользь упоминает межсоюзнические контрольные комиссии в своем фундаментальном труде, охватывающем все когда-либо существовавшие или продолжающие существовать международные соглашения по контролю над вооружениями, достигнутые в период с конца XIX по начало XXI в. Он обращается к опыту межсоюзнических контрольных комиссий в контексте институционального опыта верификации в международных режимах контроля над вооружениями. Голдблат утверждает, что механизм проверки соблюдения Германией условий Версальского договора никогда не был в должной степени эффективным, однако главная проблема жизнеспособности режима разоружения Германии не была связана с неэффективностью верификации. Голдблат утверждает, что, несмотря на то что французское и британское правительства были в полной мере осведомлены о том, что Германия нарушает Версальский договор, у Парижа и Лондона отсутствовали возможности или воля принуждать Берлин соблюдать ограничения, что в итоге и привело к перевооружению Германии [2, p. 20].

Вопрос действенности международного принуждения к исполнению соглашений в сфере разоружения и контроля над вооружениями, который впервые был поднят в связи с кризисом Версальской системы, возникал в среде специалистов-международников неоднократно не только в увязке с проблемой разоружения Ирака, но и в контексте присоединения Сирии к КЗХО, а также в связи с кризисом вокруг Иранской ядерной программы и кризисом безопасности на Корейском полуострове. Как со стороны практиков, так и со стороны теоретиков неоднократно звучали призывы к ужесточению международных механизмов, обеспечивающих соблюдение соглашений в области разоружения и контроля над вооружениями. Потенциальные выгоды и опасности, которые таит в себе отход от дипломатии, ориентированной на инклюзивное сотрудничество, в сторону дипломатии принуждения, всесторонне изучены в коллективной монографии под редакцией О. Майера и К. Дааса [6; 61–63], а также в коллективной монографии под редакцией Дж. Кнопфа [64; 65]. Участники этих исследовательских проектов убедительно доказывают, что очевидные на первый взгляд положительные результаты принуждения оказываются перечеркнутыми долгосрочными негативными последствиями.

Меры одностороннего ограничения военного потенциала Германии в межвоенный период оказались нежизнеспособными в том числе и потому, что не были реализованы важные элементы, заложенные в проект Парижского мирного договора: всеобъемлющее ограничение вооружений и создание таких условий, при которых государства в международных отношениях воздерживаются от использования военной силы для решения внешнеполитических задач. Как показывают события второго десятилетия XXI столетия, ведущие мировые державы при выстраивании своей политики в отношении таких государств, как Ливия, Иран или Северная Ко-

рея, недостаточно внимательно относятся к урокам Версаля. При этом такие международные соглашения, как Конвенция по запрещению кассетных боеприпасов, Конвенция по запрещению противопехотных мин, Договор о торговле оружием и Договор о запрещении ядерного оружия, получили ошеломительную поддержку со стороны Движения неприсоединения и ряда крупных европейских держав, что свидетельствует о том, что идея «морального разоружения» остается по-прежнему не только популярной, но и уязвимой с точки зрения своей жизнеспособности.

Версальский мирный договор стал важной вехой в развитии концепции всеобщего и полного разоружения. Военные статьи Версальского договора перестали работать в 1936 г. Ряд разоруженческих международных соглашений, разработанных Лигой Наций, оказался недолговечным, а другие так и не вступили в силу. Однако это не умаляет их значения с точки зрения того институционального опыта, который аккумулировала дипломатия контроля над вооружениями в 1920-е и 1930-е годы, стремясь реализовать идею всеобщего разоружения, выраженную в статье 8 первой части и в преамбуле пятой части Версальского договора. В 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1378 о «всеобщем и полном разоружении», которая среди прочих мер упоминала химическое и биологическое разоружение [61]. В преамбулах Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968), КБТО и КЗХО содержится отсылка к цели всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем. Эта формула в КЗХО была дополнена упоминанием о том, что государства — участники Конвенции «преисполнены решимости действовать с целью достижения эффективного прогресса в направлении всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным контролем, включая запрещение и ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения». Таким образом, существует нормативная связь между КБТО, КЗХО и ДНЯО. В соответствии с устоявшейся практикой ООН к видам оружия массового уничтожения относят бактериологическое, токсинное, химическое, ядерное и радиологическое оружие. Концепция всеобщего разоружения, уточненная в 1970-е годы формулировкой «равная и неделимая безопасность для всех», приобрела особую актуальность в свете кризиса режима ядерного нераспространения в XXI в.

Открытый для подписания в 2017 г. Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) стал серьезным вызовом для государств-членов ДНЯО, обладающих ядерным оружием. Ни Россия, ни США не участвовали в переговорах по разработке ДЗЯО. Однако как депозитарии ДНЯО Москва и Вашингтон были вынуждены обозначить свои позиции по вопросу ДЗЯО. И российские, и американские официальные лица обратились к истории всеобщего разоружения. Если российские дипломаты продолжили апеллировать к понятию «стратегическая стабильность» в увязке с целями всеобщего разоружения и принципом равной и неделимой безопасности для всех, то американская дипломатия предпочла говорить о проблеме жизнеспособности достигнутых договоренностей и о том, что ограничение или запрещение отдельных видов вооружений не должно становиться самоцелью, но должно быть ориентировано на комплексное решение проблем международной безопасности.

Так, вскоре после того, как ДЗЯО был открыт для подписания, российский министр иностранных дел С. Лавров [66] заявил, что этот договор «игнорирует необходимость учитывать все факторы, влияющие сегодня на стратегическую

стабильность, и может оказать дестабилизирующее воздействие на режим нераспространения», потому что полная ликвидация ядерного оружия «возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения при условии обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и обладателей ядерного оружия, как это предусматривает ДНЯО».

Кристофер Форд [67], заместитель Госсекретаря США по вопросам безопасности и нераспространения, в одном из выступлений в конце апреля 2019 г. на полях Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия ДНЯО-2020, когда обсуждались перспективы ядерного разоружения в целом и судьба ДЗЯО в частности, обратился к межвоенному опыту ограничения региональной гонки морских вооружений. Форд напомнил, что положения Вашингтонского морского соглашения в части тоннажа, класса, количества и типов вооружения морских судов были исключительно детально проработаны, однако все эти «технически ориентированные лимиты вскоре оказались несостоятельными» перед лицом «прогресса в морских и авиационных технологиях и усиления динамики соперничества между великими державами в преддверии Второй мировой войны». По мнению Форда, судьба Договора пяти держав демонстрирует, что были предприняты «усилия ограничивать или запрещать отдельные виды вооружений без учета обстоятельств, которые побуждают мировых лидеров обладать этим оружием», и такая политика, «направленная исключительно на ограничение средств ведения войны без стремления улучшить военно-политическую обстановку (security environment)», упустила из внимания «более широкие геополитические взаимосвязи государств и динамику безопасности». Как следствие, «контроль над вооружениями стал самоцелью вместо того, чтобы быть средством, которое в сочетании с другими инструментами, может быть применено для укрепления международной безопасности».

* * *

В год столетия Версальской конференции все без исключения международные режимы контроля над вооружениями находятся либо в состоянии кризиса, либо на пороге кризиса. Режим Конвенции по запрещению биологического и токсинного оружия страдает от институционального дефицита и отсутствия верификационных механизмов. Доверие и взаимопонимание между участниками Конвенции по запрещению химического оружия катастрофично ослаблены вследствие инцидентов с применением запрещенного нервно-паралитического вещества на территории Великобритании, а также в связи с затяжной гражданской войной в Сирии, во время которой противоборствующие стороны неоднократно применяли против гражданского населения химическое оружие. Режиму нераспространения ракетных технологий не хватает универсальности, что отражается на динамике кризиса вокруг ракетно-ядерной программы КНДР. Режим ядерного нераспространения переживает беспрецедентно трудные времена в связи с отсутствием прогресса в создании зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке и выходом США из достигнутого в 2015 г. многостороннего соглашения по урегулированию ситуации вокруг Иранской ядерной программы, известного как Совместный всеобъемлющий план действий, а также в связи с ухудшением отношений России и США в сфере

контроля над ядерным оружием и нарастающей конфронтацией между Россией и Западом на фоне затяжного украинского кризиса.

Анализ современного политико-дипломатического дискурса показывает, что опыт Лиги Наций в сфере разоружения и контроля над вооружениями остается актуальным и по сей день. В течение ста лет, прошедших с момента начала Парижской мирной конференции, экспертное сообщество неоднократно обращалось к истории Версальского договора и иных соглашений по разоружению и контролю над вооружениями, разработанных в 1920–1930-е годы. Всплески внимания к наследию Версаля прослеживаются в 1970–1990-е годы в связи с проблемой запрещения биологического и химического оружия, в 1990–2000-е — в связи с проблемой разоружения Ирака, а также после 2017 г. — в связи с кризисом режима нераспространения ядерного оружия.

Говоря о значении Версальского договора для дипломатии разоружения и контроля над вооружениями, можно выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, в Версальском договоре была заложена основа концепции всеобщего разоружения, а в 1920–1930-е годы были предприняты попытки воплотить эту концепцию в серии многосторонних соглашений регионального и глобального масштаба в рамках системы Лиги Наций. Во-вторых, в ходе разработки и реализации военных положений Версальского договора был аккумулирован ценный опыт в вопросах контроля за соблюдением соглашений по контролю над вооружениями и принуждения к исполнению обязательств по договорам о разоружении или сокращении вооружений. Международное сообщество извлекло уроки, касающиеся жизнеспособности соглашений по разоружению и контролю над вооружениями, которые были впоследствии учтены при разработке главы 7 Устава ООН, а также при конструировании международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. В-третьих, был накоплен опыт ограничения или запрещения отдельных видов вооружений. Впервые были выработаны количественные и качественные критерии, которые применялись для определения лимитов или типов вооружений, подлежащих ограничению, запрещению или уничтожению. В-четвертых, были сделаны важные шаги в направлении создания международной юридически обязывающей нормы, предполагающей всеобъемлющее запрещение биологического и химического оружия. Таким образом, опыт Версаля способствовал совершенствованию понятийного аппарата и инструментария дипломатии разоружения и остается важным элементом институциональной памяти дипломатии разоружения и контроля над вооружениями.

Литература

1. *Johnson R.* Arms Control and Disarmament Diplomacy // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / A. F. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 594–608.
2. *Goldblat J.* Arms Control. The New Guide to Negotiations and Agreements. 2nd ed. Stockholm International Peace Research Institute, International Peace Research Institute. London: SAGE Publications, 2009. 396 p.
3. *Norm Dynamics in Multilateral Arms Control: Interests, Conflicts, and Justice* / ed. by H. Mueller and C. Wunderlich. Athens; London: The University of Georgia Press, 2013. 400 p.
4. *Kimball D. G.* Looking back: The Mixed Arms Control Legacy of Ronald Reagan // *Arms Control Today*. 2004. Vol. 34, no. 6. P. 44–47.

5. *Tanner F.* Postwar Arms Control // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30, No. 1 (Feb.). P. 29–43.
6. *Meier O.* Non-Cooperative arms control // *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation* / Ch. Daase and O. Meier (eds). London; New York: Routledge, 2014. P. 39–66.
7. *Alexander M. S., Keiger J. F. V.* Limiting arms, enforcing limits: International inspections and the challenges of compellence in Germany post-1919, Iraq post-1991 // *The Journal of Strategic Studies*. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 345–394.
8. *Dhanapala J.* The Permanent Extension of the NPT 1995 // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* / A. F. Cooper, J. Heine, R. Thakur (eds). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 811–823.
9. *Madariaga S. de.* Disarmament. New York: Coward-McCann, 1929. 364 p.
10. *Salewski M.* Entwaffnung und Militaerkontrolle in Deutschland, 1918–1927. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1966. 415 s.
11. *Jaffe L. S.* The Decision to Disarm Germany. Boston: Allen and Unwin, 1985. 286 p.
12. *Ferris J. R.* Men, Money, and Diplomacy: The Evolution of British Strategic Foreign Policy, 1919–1926. Ithaca, NY: Cornell UP, 1989. 235 p.
13. *Towle Ph.* Enforced Disarmament. From the Napoleonic Campaigns to the Gulf War. Oxford: Clarendon Press, 1997. 280 p.
14. *Towle Ph.* Forced disarmament in the 1920s and after // *The Journal of Strategic Studies*. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 323–344.
15. *Kitching C. J.* Britain and the Problem of International Disarmament, 1919–1934. London: Routledge, 1999. 232 p.
16. *Shuster R. J.* German Disarmament after World War I: The Diplomacy of International Arms Inspection, 1920–31. London: Routledge, 2006. 272 p.
17. *Fox J. P.* Britain and the Inter-Allied Military Commission of Control, 1925–1926 // *Journal of Contemporary History*. 1969. No. 4/2. P. 143–164.
18. *Tenfelde K.* Disarmament and Big Business: The Case of Krupp, 1918–1925 // *Diplomacy and Statecraft*. 2005. No. 16/3 (Sept.). P. 544–546.
19. *Jacobson J.* Is There a New International History of the 1920s? // *American Historical Review*. 1983. N 88/3 (June). P. 617–645.
20. *Webster A.* Making Disarmament Work: The Implementation of the International Disarmament Provisions in the League of Nations Covenant // *Diplomacy and Statecraft*. 2005. No. 16/3 (Sept.). P. 551–569.
21. *Евдокимова Н. П.* Просветы и тупики во франко-германских отношениях середины 1920-х годов: Туари. 17 сентября 1926 года // *Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени*. 2013. № 11. С. 106–123.
22. *Созонов М. Н.* Вопросы разоружения и ликвидации военного контроля над Веймарской Республикой в англо-германских отношениях 1924–1927 гг. // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки*. 2015. № 2. С. 78–81.
23. *Павлов А. Ю., Малыгина А. А.* Развитие военных технологий в период Первой мировой войны и усилия Антанты по разоружению Германии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. 2009. № 3. С. 150–161.
24. *Магадеев И. Э.* Оценка германской угрозы французскими военными в 1920-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2011. № 8. С. 57–65.
25. *Магадеев И. Э.* «Германия готова напасть в любой момент...» Восприятие германской угрозы французскими военными в 1920-е годы // *Историческая психология и социология истории*. 2011. Т. 4, № 2. С. 179–202.
26. *Магадеев И. Э.* Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // *Новая и новейшая история*. 2012. № 4. С. 58–68.
27. *Магадеев И. Э.* «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2014. Т. 6, № 4. С. 34–61.
28. Версальский мирный договор / Полный перевод с французского подлинника под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина со вступительной статьей проф. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. 198 с.
29. *Spiers E. M.* Gas disarmament in the 1920s: Hopes confounded // *The Journal of Strategic Studies*. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 281–300.
30. *Barros A.* Disarmament as a weapon: Anglo-French relations and the problems of enforcing German disarmament, 1919–28 // *The Journal of Strategic Studies*. 2006. Vol. 29, no. 2. P. 301–321.

31. Пунжин С. М. Химическое оружие и международное право. М.: Волтерс Клувер, 2009. 432 с.
32. Mueller H., Becker-Jakob U., Seidler-Diekmann T. Regime Conflicts and Norm Dynamics: Nuclear, Biological, and Chemical Weapons // Norm Dynamics in Multilateral Arms Control: Interests, Conflicts, and Justice / H. Mueller and Carmen Wunderlich (eds). Athens; London: The University of Georgia Press, 2013. P. 51–81.
33. Zanders J. P. Chemical Weapons: Beyond Emotional Concerns // Bulletin of Peace Proposals. 1990. Vol. 21, no. 1 (March). P. 87–98.
34. Zanders J. P. International norms against chemical and biological warfare: an ambiguous legacy // Journal of Conflict & Security Law. 2003. Vol. 8, no. 2 (Oct.). P. 391–410.
35. Spiers E. M. A History of Chemical and Biological Weapons. London: Reaktion Books, 2010. 223 p.
36. Yamin T. Chemical & Biological Weapons: Positions, Prospects and Trends // Policy Perspectives. 2013. Vol. 10, no. 1. P. 147–159.
37. Cook T. Against God-inspired Conscience: The Perception of Gas Warfare as a Weapon of Mass Destruction, 1915–1939 // War & Society. 2000. No. 18/1. P. 49–69.
38. Минц И. И. Вашингтонская конференция и «Договор девяти держав» (ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.) // История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина. М.; Л.: Государственное изд-во политической литературы, 1945. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны. 883 с.
39. Tucker J. B. War of Nerves: Chemical Warfare from World War I to Al-Qaeda. New York: Pantheon, 2006. 496 p.
40. Chevrier M. I., Spelling A. The Traditional Tools of Biological Arms Control and Disarmament // Biological Threats in the 21st Century / F. Lentzos (ed.). New Jersey: Imperial College Press, 2016. P. 331–356.
41. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, 17 июня 1925 года. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (дата обращения: 11.05.2019).
42. Bunn G. The banning of poison gas and germ warfare: the U.N. role // The American Journal of International Law. 1970. Vol. 64, no. 4. P. 194–199.
43. Bunn G. Gas and Germ Warfare: International Legal History and Present Status // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1970. Vol. 65, no. 1 (Jan. 15). P. 253–260.
44. Meselson M. S. Chemical and Biological Weapons // Scientific American. 1970. Vol. 222, no. 5 (May). P. 15–25.
45. Baxter R. R., Buergenthal Th. Legal Aspects of the Geneva Protocol of 1925 // The American Journal of International Law. 1970. Vol. 64, no. 5 (Oct.). P. 853–879.
46. United States: Department of defense position with regard to destruction of crops through chemical agents // International Legal Materials. 1971. Vol. 10, no. 6 (Nov.). P. 1300–1306.
47. Bennett I. L. The Significance of Chemical and Biological Warfare for the People // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1970. Vol. 65, no. 1 (Jan. 15). P. 271–279.
48. Moore J. N. Ratification of the Geneva Protocol on Gas and Bacteriological Warfare: A Legal and Political Analysis // Virginia Law Review. 1972. Vol. 58, no. 3. P. 419–509.
49. Craig J. L. Ecocide and the Geneva Protocol // Foreign Affairs. 1971. Vol. 49, no. 4. P. 711–720.
50. Moore J. N. Ratification of the Geneva Protocol on Gas and Bacterial Warfare: A Legal and Political Analysis // The Vietnam War and International Law. Princeton: Princeton University Press, 1976. Vol. 4: The Concluding Phase. P. 176–265.
51. Tucker J. B., Mahan E. R. President Nixon's Decision to Renounce the U.S. Offensive Biological Weapons Program // Center for the Study of Weapons of Mass Destruction National Defense University. 2009. URL: <https://wmdcenter.ndu.edu/Publications/Publication-View/Article/627136/president-nixons-decision-to-renounce-the-us-offensive-biological-weapons-progr/> (дата обращения: 10.05.2019).
52. Hersh S. M. Chemical and Biological Warfare: America's Hidden Arsenal. Indianapolis; New York: The Bobbs-Merrill Company, 1968. 354 p.
53. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. URL: <https://www.opcw.org/ru/konvenciya-o-khimicheskom-oruzhii/stati/preambula> (дата обращения: 11.05.2019).
54. United Nations, The Seventh Review Conference of the States Parties to the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction, Geneva, 5–22 December 2011, Final Document, BWC/CONF.VII/7. 13 January, 2012. URL: <http://www.unog.ch/80256EE600585943/> (дата обращения: 11.05.2019).
55. Statement by Armenia, Belarus, Islamic Republic of Iran, Russian Federation, and South Africa on the Geneva Protocol of 1925 (English only). Conference of the states parties to Biological and Toxin Weap-

ons Convention. 8–19 April 2013. RC-3/NAT.7. 3 April, 2013. URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/RC-3/national-statements/rc3nat07_e_.pdf (дата обращения: 11.05.2019).

56. *Lentzos F.* The Politics, People, Science and Historical Roots // *Biological Threats in the 21st Century* / F. Lentzos (ed.). New Jersey: Imperial College Press, 2016. P. 1–16.

57. *Balmer B, Courtland Moon J.E. van.* The British, United States and Canadian Biological Warfare Programs // *Biological Threats in the 21st Century* / F. Lentzos (ed.). New Jersey: Imperial College Press, 2016. P. 43–67.

58. *Guillemin J.* Crossing the Normative Barrier: Japan's Biological Warfare in China in World War II // *Biological Threats in the 21st Century* / F. Lentzos (ed.). New Jersey: Imperial College Press, 2016. P. 17–40.

59. *Hay A.* The South African Biological Warfare Program // *Biological Threats in the 21st Century* / F. Lentzos (ed.). New Jersey: Imperial College Press, 2016. P. 137–158.

60. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 11.05.2019).

61. *Bailes A. J. K.* The Changing role of arms control in historical perspective // *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation* / Ch. Daase, O. Meier (eds). London; New York: Routledge, 2014. P. 15–38.

62. *Malin M. B.* The effectiveness and legitimacy of the use of force to prevent nuclear proliferation // *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation* / Ch. Daase, O. Meier (eds). London; New York: Routledge, 2014. P. 81–122.

63. *Brzoska M.* The role of sanctions in non-proliferation // *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation* / Ch. Daase, O. Meier (eds). London; New York: Routledge, 2014. P. 123–145.

64. *Knopf J. W.* International Cooperation on Nonproliferation: The Growth and Diversity of Cooperative Efforts // *International Cooperation on WMD Nonproliferation* / J. W. Knopf (ed.). Athens: The University of Georgia Press, 2016. P. 1–22.

65. *Kuperman A. J.* Nuclear Nonproliferation via Coercion and Consensus: Success and Limits of RERTR (1978–2004) // *International Cooperation on WMD Nonproliferation* / J. W. Knopf (ed.). Athens: The University of Georgia Press, 2016. P. 46–71.

66. *Лавров С. В.* Выступление на Московской конференции по нераспространению 20 октября 2017 г. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2913751 (дата обращения: 11.05.2019).

67. *Ford C. A.* Lessons From Disarmament History for the CEND Initiative: Speech of the Assistant Secretary, Bureau of International Security and Nonproliferation at the Disarmament Side Event, Third Preparatory Committee for the 2020 NPT Review Conference. April 30, 2019. URL: <https://www.state.gov/t/isn/rls/rm/2019/291411.htm> (дата обращения: 11.05.2019).

Статья поступила в редакцию 13 мая 2019 г.

Статья рекомендована к печати 25 июня 2019 г.

Контактная информация:

Малыгина Анастасия Александровна — канд. полит. наук, доц.; a.malygina@spbu.ru

The Treaty of Versailles as a milestone in the history of arms control diplomacy

A. A. Malygina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Malygina A. A. The Treaty of Versailles as a milestone in the history of arms control diplomacy. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 303–326. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.304> (In Russian)

Diplomatic formulas and approaches developed during the Versailles Conference were later taken into account when the international community was developing international agree-

ments on the limitation, reduction, and prohibition of armaments which define the modern architecture of international security. The article introduces the definition “arms control and disarmament diplomacy” and presents an analysis of the provisions of the Versailles Treaty in regard to disarmament and arms control, in terms of the experience of the Versailles Conference for international affairs specialists, as well as other professionals involved in arms control issues. References to the experience of the Versailles Treaty of 1919 can be found in discussions around the development of the Geneva Protocol of 1925, as well as in relation to the multilateral negotiations of the 1970–1990s, which led to the development of the 1972 Convention on the Prohibition of Biological and Toxin Weapons, and the 1993 Convention on the Prohibition of Chemical Weapons. Arms control and disarmament diplomacy of the interwar period resulted in the introduction of the concept of general disarmament which later was integrated into the arms control diplomacy of the United Nations. The development and realization of the Versailles Treaty facilitated the maturing of the toolkit and vocabulary of global arms control and disarmament diplomacy and is still a significant part of diplomatic institutional memory. The article demonstrates how the experience of the Versailles Conference is relevant for modern arms control and disarmament diplomacy.

Keywords: disarmament, arms control, diplomacy, international security, Versailles Treaty, Paris Peace Conference.

References

1. Johnson, R. (2013), Arms Control and Disarmament Diplomacy, in *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*, ed. by A. F. Cooper, J. Heine, and R. Thakur. Oxford University Press, pp. 594–608.
2. Goldblat, J. (2009), *Arms Control. The New Guide to Negotiations and Agreements*, 2nd ed., Stockholm International Peace Research Institute, International Peace Research Institute, SAGE Publications, London, 396 p.
3. *Norm Dynamics in Multilateral Arms Control: Interests, Conflicts, and Justice* (2013), ed. by Mueller, H. and Wunderlich, C., The University of Georgia Press, Athens and London, 400 p.
4. Kimball, D. G. (2004), Looking back: The Mixed Arms Control Legacy of Ronald Reagan, *Arms Control Today*, vol. 34, no. 6, pp. 44–47.
5. Tanner F. (1993), Postwar Arms Control, *Journal of Peace Research*, vol. 30, no. 1 (Feb.), pp. 29–43.
6. Meier, O. (2014), Non-cooperative arms control, in *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation*, ed. by Daase, Ch. and Meier, O., Routledge, London and New York, pp. 39–66.
7. Alexander, M. S. and Keiger, J. F. V. (2006), Limiting arms, enforcing limits: International inspections and the challenges of compellence in Germany post-1919, Iraq post-1991, *The Journal of Strategic Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 345–394.
8. Dhanapala, J. (1929), The Permanent Extension of the NPT 1995, in *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*, ed. by Cooper, A. F., Heine, J. and Thakur, R., pp. 811–823.
9. Madariaga, S. de (1929), *Disarmament*, Coward-McCann, New York, 364 p.
10. Salewski, M. (1996), *Entwaffnung und Militaerkontrolle in Deutschland, 1918–1927*, R. Oldenbourg Verlag, Munich, 415 s.
11. Jaffe, L. S. (1985), *The Decision to Disarm Germany*, Allen and Unwin, Boston, 286 p.
12. Ferris, J. R. (1989), *Men, Money, and Diplomacy: The Evolution of British Strategic Foreign Policy, 1919–1926*, Cornell University Press, Ithaca, NY, 235 p.
13. Towle, Ph. (1997), *Enforced Disarmament. From the Napoleonic Campaigns to the Gulf War*, Clarendon Press, Oxford, 280 p.
14. Towle, Ph. (2006), Forced disarmament in the 1920s and after, *The Journal of Strategic Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 323–344.
15. Kitching C. J. (1999), *Britain and the Problem of International Disarmament, 1919–1934*, Routledge, London, 232 p.
16. Shuster, R. J. (2006), *German Disarmament after World War I: The Diplomacy of International Arms Inspection, 1920–31*, Routledge, London, 272 p.
17. Fox, J. P. (1969), Britain and the Inter-Allied Military Commission of Control, 1925–1926, *Journal of Contemporary History*, no. 4/2, pp. 143–164.

18. Tenfelde, K. (2005), Disarmament and Big Business: The Case of Krupp, 1918–1925, *Diplomacy and Statecraft*, vol. 16, no. 3 (Sept.), pp. 544–546.
19. Jacobson, J. (1983), Is There a New International History of the 1920s?, *American Historical Review*, vol. 88, no. 3 (June), pp. 617–645.
20. Webster, A. (2005), Making Disarmament Work: The Implementation of the International Disarmament Provisions in the League of Nations Covenant, *Diplomacy & Statecraft*, vol. 16, no. 3 (Sept.), pp. 551–569.
21. Evdokimova, N. P. (2013), The ups and downs of Franko-German relations in the middle of 1920-s: Tauri. September 15, 1926, *Trudy kafedry istorii Novogo i Noveishego vremeni*, no. 11, pp. 106–123. (In Russian)
22. Sozonov, M. N. (2015), The issues of military control over the Weimer Republic in anglo-german relations in 1924–1927, *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Estestvennye, obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 78–81. (In Russian)
23. Pavlov, A. Iu., Malygina, A. A. (2009), The technological advances during the Cold War and the attempts of the Entente to disarm Germany, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofii. Kul'turologiia. Politologiia. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 3, pp. 150–161. (In Russian)
24. Magadeev, I. E. (2011), The perception of German threat by the French military in 1920-s, *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 8, pp. 57–65. (In Russian)
25. Magadeev, I. E. (2011), “Germany is ready to attack at any moment ...” Perception of the German threat by the French military in the 1920s, *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii*, vol. 4, no. 2, pp. 179–202. (In Russian)
26. Magadeev, I. E. (2012), Perception by French politicians of security threats in the 1920s, *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 4, pp. 58–68. (In Russian)
27. Magadeev, I. E. (2014), “The Second Thirty Years War” 1914–1945? On some features of the development of international relations in Europe on the way to the Second World War, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, vol. 6, no. 4, pp. 34–61. (In Russian)
28. Versailles Peace Treaty. Completer translation from French into Russian (1925), Litizdat NKID Publ., Moscow, 198 p. (In Russian)
29. Spiers, E. M. (2006), Gas disarmament in the 1920s: Hopes confounded, *The Journal of Strategic Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 281–300.
30. Barros, A. (2006), Disarmament as a weapon: Anglo-French relations and the problems of enforcing German disarmament, 1919–28, *The Journal of Strategic Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 301–321.
31. Punzhin, S. M. (2009), *Chemical Weapons and International Law*, Wolters Kluwer Publ., Moscow, 432 p. (In Russian)
32. Mueller, H., Becker-Jakob, U. and Seidler-Diekmann, T. (2013), Regime Conflicts and Norm Dynamics: Nuclear, Biological, and Chemical Weapons, in *Norm Dynamics in Multilateral Arms Control: Interests, Conflicts, and Justice*, ed. by Mueller, H. and Wunderlich, C., University of Georgia Press, Athens and London, pp. 51–81.
33. Zanders, J. P. (1990), Chemical Weapons: Beyond Emotional Concerns, *Bulletin of Peace Proposal*, vol. 21, no. 1 (March), pp. 87–98.
34. Zanders, J. P. (2003), International norms against chemical and biological warfare: an ambiguous legacy, *Journal of Conflict & Security Law*, vol. 8, no. 2 (Oct.), pp. 391–410.
35. Spiers, E. M. (2010), *A History of Chemical and Biological Weapons*, Reaktion Books, London, 223 p.
36. Yamin, T. (2013), Chemical & Biological Weapons: Positions, Prospects and Trends, *Policy Perspectives*, vol. 10, no. 1, pp. 147–159.
37. Cook, T. (2000), Against God-inspired Conscience: The Perception of Gas Warfare as a Weapon of Mass Destruction, 1915–1939, *War and Society*, vol. 18, no. 1, pp. 49–69.
38. Mints, I. I. (1945), Wahsington Conference and the nine States Treaty, in *Istoriia diplomatii*, vol 3, ed. by Potiomkin, V. P., Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., Moscow and Leningrad, 883 p. (In Russian)
39. Tucker, J. B. (2006), *War of Nerves: Chemical Warfare from World War I to Al-Qaeda*, Pantheon, New York, 496 p.
40. Chevrier, M. I. and Spelling, A. (2016), The Traditional Tools of Biological Arms Control and Disarmament, in *Biological Threats in the 21st Century*, ed. by Lentzos, F., Imperial College Press, New Jersey, pp. 331–356.
41. *Protocol on the prohibition of the use at war of asphyxiating, poisonous and other gases and bacteriological means. 17 June 1925*, available at: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/protocol-gases-170625.htm> (accessed: 11.05.2019).

42. Bunn, G. (1970a), The banning of poison gas and germ warfare: the U.N. role, *The American Journal of International Law*, vol. 64, no. 4, pp. 194–199.
43. Bunn, G. (1970b), Gas and Germ Warfare: International Legal History and Present Status, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 65, no. 1 (Jan. 15), pp. 253–260.
44. Meselson, M. S. (1970), Chemical and Biological Weapons, *Scientific American*, vol. 222, no. 5 (May), pp. 15–25.
45. Baxter, R. R. and Buerghenthal, Th. (1970), Legal Aspects of the Geneva Protocol of 1925, *The American Journal of International Law*, vol. 64, no. 5 (Oct.), pp. 853–879.
46. United States: Department of defense position with regard to destruction of crops through chemical agents (1971), *International Legal Materials*, vol. 10, no. 6 (Nov.), pp. 1300–1306.
47. Bennett, I. L. (1970), The Significance of Chemical and Biological Warfare for the People, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 65, no. 1 (Jan. 15), pp. 271–279.
48. Moore, J. N. (1972), Ratification of the Geneva Protocol on Gas and Bacteriological Warfare: A Legal and Political Analysis, *Virginia Law Review*, vol. 58, no. 3, pp. 419–509.
49. Craig, J. L. (1971), Ecocide and the Geneva Protocol, *Foreign Affairs*, vol. 49, no. 4, pp. 711–720.
50. Moore, J. N. (1976), Ratification of the Geneva Protocol on Gas and Bacterial Warfare: A Legal and Political Analysis, in *The Vietnam War and International Law, vol. 4: The Concluding Phase*, Princeton University Press, Princeton, pp. 176–265.
51. Tucker, J. B. and Mahan, E. R. (2009), President Nixon's Decision to Renounce the U. S. Offensive Biological Weapons Program, *Center for the Study of Weapons of Mass Destruction National Defense University*, available at: <https://wmdcenter.ndu.edu/Publications/Publication-View/Article/627136/president-nixons-decision-to-renounce-the-us-offensive-biological-weapons-progr/> (accessed: 10.05.2019).
52. Hersh, S. M. (1968), *Chemical and Biological Warfare: America's Hidden Arsenal*, The Bobbs-Merrill Company, Indianapolis and New York, 354 p.
53. *Chemical Weapons Convention*, available at: <https://www.opcw.org/ru/konvenciya-o-khimicheskomi-ozuzhii/stati/preambula> (accessed: 11.05.2019).
54. *United Nations, The Seventh Review Conference of the States Parties to the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction, Geneva, 5–22 December 2011, Final Document, BWC/CONF. VII/7. 13 January, 2012*, available at: <http://www.unog.ch/80256EE600585943/> (accessed: 11.05.2019).
55. *Statement by Armenia, Belarus, Islamic Republic of Iran, Russian Federation, and South Africa on the Geneva Protocol of 1925 (English only). Conference of the states parties to Biological and Toxin Weapons Convention. 8–19 April 2013. RC-3/NAT. 7. 3 April, 2013*, available at: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/RC-3/national-statements/rc3nat07_e_.pdf (accessed: 11.05.2019).
56. Lentzos, F. (2016), The Politics, People, Science and Historical Roots, in *Biological Threats in the 21st Century*, ed. by Lentzos, F., Imperial College Press, New Jersey, pp. 1–16.
57. Balmer, B. and Courtland Moon, J. E. van. (2016), The British, United States and Canadian Biological Warfare Programs, in *Biological Threats in the 21st Century*, ed. by Lentzos, F., Imperial College Press, New Jersey, pp. 43–67.
58. Guillemin, J. (2016), Crossing the Normative Barrier: Japan's Biological Warfare in China in World War II, in *Biological Threats in the 21st Century*, ed. by Lentzos, F., Imperial College Press, New Jersey, pp. 17–40.
59. Hay, A. (2016), The South African Biological Warfare Program, in *Biological Threats in the 21st Century*, ed. by Lentzos, F., Imperial College Press, New Jersey, pp. 137–158.
60. *Biological and Toxin Weapons Convention*, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (accessed: 11.05.2019).
61. Bailes, A. J. K. (2014), The Changing role of arms control in historical perspective, in *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation*, ed. by Daase, Ch. and Meier, O., Routledge, London, New York, pp. 15–38.
62. Malin, M. B. (2014), The effectiveness and legitimacy of the use of force to prevent nuclear proliferation, in *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation*, ed. by Daase, Ch. and Meier, O., Routledge, London, New York, pp. 81–122.
63. Brzoska, M. The role of sanctions in non-proliferation, in *Arms Control in the 21st Century: Between Coercion and Cooperation*, ed. by Daase, Ch. and Meier, O., Routledge, London, New York, pp. 123–145.
64. Knopf, J. W. (2016), International Cooperation on Nonproliferation: The Growth and Diversity of Cooperative Efforts, in *International Cooperation on WMD Nonproliferation*, ed. by Knopf, J. W., The University of Georgia Press, Athens, pp. 1–22.

65. Kuperman, A. J. (2016), Nuclear Nonproliferation via Coercion and Consensus: Success and Limits of RERTR (1978–2004), in *International Cooperation on WMD Nonproliferation*, ed. by Knopf, J. W., The University of Georgia Press, Athens, pp. 46–71.

66. Lavrov, S. V. (2017), *Speech at the Moscow nonproliferation conference*. 20 October, available at: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2913751 (accessed: 11.05.2019). (In Russian)

67. Ford, C. A. (2019), *Lessons From Disarmament History for the CEND Initiative: Speech of the Assistant Secretary, Bureau of International Security and Nonproliferation at the Disarmament Side Event, Third Preparatory Committee for the 2020 NPT Review Conference*, April 30, available at: <https://www.state.gov/t/isn/rls/rm/2019/291411.htm> (accessed: 11.05.2019).

Received: May 13, 2019

Accepted: June 25, 2019

Author's information:

Anastasiia A. Malygina — PhD (political science), Associate professor; a.malygina@spbu.ru